

Корреляция стратегий невротического конфликта (К.Хорни), со стилями привязанности (Боулби)

Алсу Асятовна Зуйкова

кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии и педагогики

Нижегородская академия МВД РФ

Нижний Новгород, Россия

asyyat@mail.ru

 0000-0002-4046-4083

Поступила в редакцию 15.02.2021

Принята 6.04.2021

Опубликована 11.05.2021

 10.25726/k2823-7521-6905-u

Аннотация

Вся сложность невротического конфликта, заключается в том, что он лежит не на поверхности, и является бессознательной частью психики. Противоречащие друг другу тенденции, действующие, в ней представляют глубоко вытесненные влечения. Невротический конфликт берет свои истоки в раннем детстве, когда ребенок начинает искать способы безопасного существования. Формируется базовая тревога, определяющая чувство беспомощности перед потенциально экстремальными ситуациями для психики. Ребенок бессознательно начинает формировать приспособительные стратегии и невротические наклонности. Детский опыт является сенситивной почвой для формирования у ребенка устойчивого паттерна поведения. Психика не переработанную травмирующую ситуацию переводит в бессознательное, активизируя невротические психологические защиты, которые нивелируют травматичный опыт. Исходя из того что невроз понимается как результат конфликта между бессознательным и сознанием, основная задача психотерапии в рамках психоанализа состоит в том, чтобы сделать бессознательное сознательным, осознать бессознательное. Фрейд сравнивает ситуацию необходимости осознания собственного бессознательного и сам процесс психоанализа с такой ситуацией: нерадивый студент во время лекции всячески мешает преподавателю, гримасничает, бросает неуместные реплики, отвлекает всех от дела. Преподаватель выгоняет студента за дверь, но тот, постоянно заглядывая в аудиторию, привлекает внимание к себе всеми возможными способами и мешает продуктивной работе. Так же и мы выталкиваем свое бессознательное «за дверь», а оно продолжает оттуда всячески напоминать нам о себе, беспокоить и мешать нормальной деятельности.

Ключевые слова

Корреляция, психоанализ, тревожность, личность, конфликты.

Введение

Вся сложность невротического конфликта, заключается в том, что он лежит не на поверхности, и является бессознательной частью психики. Противоречащие друг другу тенденции, действующие, в ней представляют глубоко вытесненные влечения. Невротический конфликт берет свои истоки в раннем детстве, когда ребенок начинает искать способы безопасного существования. Формируется базовая тревога, определяющая чувство беспомощности перед потенциально экстремальными ситуациями для психики. Ребенок бессознательно начинает формировать приспособительные стратегии и невротические наклонности.

Детский опыт является сенситивной почвой для формирования у ребенка устойчивого паттерна поведения. Психика не переработанную травмирующую ситуацию переводит в бессознательное, активизируя невротические психологические защиты, которые нивелируют травматичный опыт.

Разрешить ситуацию можно только попытавшись разобраться, что же он хочет на самом деле, так же нужно «вытащить бессознательное на свет» и выяснить у него, что же оно от нас хочет.

В основе психоаналитической концепции лежит представление о том, что аномальное поведение человека является следствием неадекватной интерпретации им своих чувств, потребностей и побуждений. Исходя из такого понимания человеческого поведения, основной целью терапии выступает помощь клиенту в понимании и осознании им причин его плохого приспособления к реальности и оказание ему помощи в возможности адаптации к ней.

Материалы и методы исследования

Основные стадии психоанализа

Первая стадия – поиск болезненного очага (его вспоминание). На этой стадии используют методы ассоциаций, наблюдения за поведением человека, изучение юмора, оговорок, описок человека. Стадия заканчивается обнаружением этого очага.

Вторая стадия - раскрытие очага возбуждения, его вербализация. Человек произносится, рассказывает психологу о своих переживаниях и их источниках. Это очень болезненный процесс, поскольку человек как бы заново переживает и страдает, при этом очень часто формируется негативное и агрессивное отношение к психологу. Стадия считается законченной после того, как человек все рассказал и начал постепенно успокаиваться.

Третья стадия – переоценка значимости событий, сокрытых в болезненном очаге, так называемое «переклеивание ярлыков». Например, из «врага» в «неприятную человека», из «подруги» в «знакомую» и т.д. На этой стадии особое значение имеет внимательное и заботливое отношение психолога к клиенту, помощь клиенту в изменении его системы установок.

Четвертая стадия – эмоциональная окраска новой системы установок, главным образом позитивная, спокойная. Осуществляется постепенный переход от любви к безразличию, от агрессивности к равнодушию.

Пятая стадия – забывание, ликвидации очага возбуждения. Чаще всего эта стадия проходит естественным путем как продолжение работы с психологом на предыдущих стадиях.

Психоанализ как психокорректирующий процесс включает следующие процедуры:

- конфронтацию;
- прояснение (кларификацию);
- интерпретацию;
- обрабатывание.

Конфронтация используется для того, чтобы показать клиенту, что он чего-то боится, избегает, для выделения, обособления того психического феномена, который должен стать предметом анализа.

Кларификация заключается в четкой фокусировке значимых деталей.

Интерпретация предполагает превращение неосознанных деталей и явлений в осознанные.

Проработка включает комплекс процедур и процессов, которые необходимо осуществить после инсайта. Это самая трудоемкая часть психоаналитической работы, так как требуется большое количество времени и усилий для преодоления сопротивления, которое выступает помехой на пути преобразования личности.

Самой важной из этих процедур является интерпретация, все остальные ей подчинены: они либо ведут к ней, либо делают ее более эффективной.

Техники психоанализа.

Классический психоанализ включает пять базисных техник:

1. Метод свободных ассоциаций.
2. Толкование (интерпретация) сновидений.
3. Интерпретация.
4. Анализ сопротивления.
5. Анализ переноса.

Результаты и обсуждение

Защитные механизмы функционируют на бессознательном уровне, чтобы предотвратить проникновение конфликтов и сопутствующей тревоги в сознание. Они работают либо для того, чтобы справиться с конфликтами “внутреннего мира”, либо могут исказить восприятие человеком реальности. Следовательно, защитные механизмы постоянно функционируют для поддержания психологической стабильности. Растущее количество доказательств демонстрирует, что адаптивность защитного механизма влияет на различные показатели благополучия, такие как физические и психологические результаты.

В подавляющем большинстве литературы проводится различие между зрелыми, невротическими и незрелыми защитными механизмами, но продолжают споры о том, как лучше всего классифицировать и маркировать их. В соответствии с оригинальной моделью Вейланта незрелых и зрелых защит REM-71 является инструментом самоотчета, который обладает хорошими психометрическими свойствами, который организует защиту в две категории: защита фактора 1 и защита фактора 2 [12]. Фактор 1 и фактор 2 подразделяются на интрапсихические защиты, которые являются внутренне ориентированными, и межличностные защиты, которые проявляются в контексте отношений с другими. Термины “ассимиляция”, или поглощение внешней информации на основе внутренней схемы, и “аккомодация”, или изменение внутренних схем на основе внешней информации, представляют собой аналогичную адаптивную иерархию, как “незрелый” и “зрелый” соответственно. Однако ассимиляция и аккомодация – менее двусмысленные ярлыки, поскольку “зрелость” может относиться либо к конструкту развития, либо к адаптивной эффективности. При использовании REM-71 защитные механизмы были связаны с психосоциальным функционированием и психиатрическими симптомами у подростков, причем аккомодация способствует более адаптивному функционированию, чем ассимиляция.

Защита долгое время концептуализировалась как феномен развития, возникающий в раннем младенчестве [14]. У новорожденных присутствуют “незрелые” защитные механизмы, такие как расщепление или фантазия, и они развиваются в раннем детстве до более зрелых. Считается, что на это развитие влияют первичные отношения. Поэтому одной из заслуживающих внимания областей исследования является потенциальное влияние стиля привязанности. Привязанность относится к формированию межличностных эмоциональных связей.

Поведение привязанности активизируется, особенно когда ребенок испытывает страх, в странных ситуациях, испытывает боль или подавлен своими фантазиями. Младенец надеется на безопасное место рядом со своим основным опекуном. Она является активным партнером в этом взаимодействии. Эмпатическая реакция в нескольких взаимодействиях приводит к уникальной внутренней рабочей модели ребенка. Вначале рабочие модели являются гибкими, на протяжении всего развития они приводят к стабильному представлению привязанности как поведенческой системы, основанной на обработке информации.

Его можно рассматривать как систему, которая регулирует эмоции через межличностную динамику, учитывая, что ребенок управляет чувствами стресса или страха через свою близость к опекуну [15]. Стили привязанности довольно стабильны. Боулби описал две характерные черты детской привязанности, которые становятся прототипом будущих отношений: внутренняя рабочая модель “я” как достойного или недостойного любви и поддержки и внутренняя рабочая модель других как надежного или ненадежного источника любви и поддержки. Бартоломью объединил эти внутренние рабочие модели образа себя и образа других, чтобы создать четыре теоретических стиля привязанности взрослых: безопасный, озабоченный, испуганный и отвергающий.

Надежно привязанные люди, характеризующиеся позитивным образом себя и позитивным образом других, имеют как чувство ценности любви, так и ожидание того, что другие будут отзывчивы. Озабоченный стиль привязанности приводит к зависимости от принятия других за самооценку. Стиль страха приводит к избеганию близких отношений как средства защиты от ожидаемого отвержения. Наконец, отвергающий индивид избегает близких отношений, чтобы избежать разочарования в других. Озабоченный, испуганный и отвергающий стили – все это указывает на ненадежную привязанность. Кроме

того, Гриффин и Бартоломью предположили, что самость и другие модели являются фундаментальными измерениями привязанности, которые лежат в основе всех мер привязанности взрослых.

Хотя стили привязанности и защитные механизмы являются различными концепциями того, как мы справляемся со стрессовыми ситуациями, и то, и другое относится к форме обработки информации. Защитные механизмы-это устойчивые динамические паттерны, стиль привязанности-это поведенческая концепция. Считается, что обе системы развиваются в раннем детстве, и в современной литературе можно найти параллели между этими системами. Чокка и др. показали, что параноидальные идеи, характеризующиеся незрелыми защитными механизмами, явно связаны с небезопасным стилем привязанности. Тот же автор показали, что незрелые защитные механизмы и стили страха привязанности участвуют в гомофобных установках, в то время как невротические защитные механизмы и безопасная привязанность указывают на низкий уровень гомофобии.

Защитные механизмы беременных женщин предсказывали безопасность привязанности у своих малышей, поскольку зрелые, здоровые защитные механизмы были значительно связаны с большей безопасностью привязанности малыша. Возможные механизмы, которые обсуждались, включали родительскую настройку и ментализацию.

Большое количество исследований показало, что стиль привязанности индивида влияет на целый ряд психологических и социальных факторов, включая экстернализацию проблем поведения, интернализацию психиатрических симптомов и регуляцию эмоций. Было обнаружено, что ненадежная материнская привязанность связана с депрессией у детей с СДВГ.. Возбуждение и регуляция матерей во время воспитания взаимодействовали, чтобы предсказать дезорганизацию привязанности ребенка и проблемы с поведением. Кроме того, взаимодействие неуверенной привязанности и поведенческого торможения увеличивало риск интернализации таких проблем, как тревога. Защитные механизмы, стили привязанности и психотические феномены были изучены на неклинической выборке студентов. Авторы наблюдали значимые ассоциации между неуверенной привязанностью и неклиническими психотическими явлениями.

Кроме того, новые исследования показывают, что стиль привязанности также влияет на физическое здоровье и, таким образом, делает его еще более стоящим изучения, также за пределами детской и подростковой психиатрии.

Обнаружены более высокое преобладание избегающего стиля привязанности и значительно более низкая распространенность безопасного стиля привязанности среди детей, страдающих мигренью без ауры, по сравнению с нормальным контролем. Другое исследование показало, что пациенты с хронической распространенной болью с большей вероятностью сообщали о озабоченном, пренебрежительном или боязливом стиле привязанности, чем те, кто не испытывал боли. Кроме того, небезопасный стиль привязанности был связан с количеством мест боли, степенью инвалидности, связанной с болью, но не с интенсивностью боли. Анно и др. показали, что в общей популяции взрослых распространенность хронической боли была выше у лиц, сообщавших о стиле привязанности родителей в детстве. Мак Уильямс и др. обнаружили, что даже после корректировки на депрессивные и тревожные расстройства неуверенность в привязанности была положительно связана с необъяснимой с медицинской точки зрения хронической болью.

Карен Хорни внесла ощутимый вклад в изучении формирования невротических конфликтов. На фундаменте базовой тревожности, произрастает основные невротические потребности:

1. В безупречности и неопровержимости.
2. В полной независимости
3. В честолюбии
4. В восхищении собой
5. В общественном признании
6. В эксплуатировании других
7. Во власти над другими
8. В жестких рамках и правилах
9. В руководящем партнере

10. В тотальном одобрении.

Эти потребности тяжело удовлетворить, придется включиться в долговременный процесс освобождения от тревоги. Настоящие потребности, которые могут дать чувство самореализации и удовлетворения намного конкретней и проще, чем власть над другими, или общественное признание.

Карен Хорни описала 3 стратегии взаимодействия невротической личности с окружающим миром, причем, только одна стратегия является доминирующей [1].

1. Движение против людей, агрессивный тип поведения;
2. Движение к людям, беспомощный тип поведения;
3. Движение от людей, обособленный тип поведения;

В данной работе мы хотим увидеть корреляцию невротических стратегий со стилями привязанности Дж.Боулби, однако надежную привязанность в данном контексте рассматривать не имеет смысла.

Первый тип, который описывает Карен Хорни называется захватническим типом и основывается на движении «против людей». Такому типу свойственна враждебность по отношению к другим и по отношению к себе, которая не всегда в полной мере им признается. Им свойственно проявлять самоуверенность, потребность в достижениях, преодолевать какие либо препятствия которые лежат на пути к достижению цели для них является стилем жизни. Они стараются в себе подавить всё, что рассматривается ими, как уязвимость и слабость, любые чувства которые, по их мнению, делают их слабыми - вытесняются. Первый тип адаптируется к окружающим объектам при помощи конкуренции и стремлении обойти других людей в своих успехах, возвыситься над ними, чтобы почувствовать непревзойденность. Данный тип способен быстро мобилизовать свой внутренний потенциал при столкновении с препятствием и сделает все возможное для восхождения на вершины своих возможностей.

К.Хорни в захватнической личности выделяет три подтипа

- 1) нарциссический тип; 2) поклонник совершенства; и 3) высокомерно-мстительный тип. [2].

1.1. Нарциссический подтип характеризуется безмерной самовлюбленностью. Он пребывает в ожидании от других безусловной любви, проявляя обиду, в случае отвержения. Ему необходимо захватит внимание окружающих, он уверен в своей уникальности и в связи с уникальной, особенной, миссией ощущает любые привилегии доступными для себя. Для того что бы добиться восхищения других людей, нарциссическая личность демонстрирует щедрость, слишком высоко оценивает свои возможности и считает себя личностью всемогущей и безукоризненной. В погоне за идеальностью рождается титулованный нарцисс, который везде ищет признания, кроме того он не нуждается в близких отношениях, для признания достаточно поклонников. Он вынужден опираться на оценки внешнего мира, а они все время противоречивы, из этих оценок вытекает попытка создать свой образ, но он распадается из за их тотальной субъективности.

В этой связи может наступать декомпенсация (отсутствие возмещения), нарушается нормальное функционирование психики, т.к происходит истощение возможностей и нарушается работа приспособительных функций. Декомпенсация является заключительной фазой, когда психика истощила свои возможности для поддержания видимости всемогущности и безукоризненности.

1.2. Перфекционистский подтип представляет собой объект, стремящийся к идеалу. Его самооценка полностью зависит от оценки окружающих людей и от соблюдения неких собственных правил. Стремление к совершенству и безупречности, не дает возможности расслабленно проживать жизненные события и для снятия напряжения идеалы переносятся на окружающих. Его безупречность является защитной реакцией от столкновения с иррациональным опытом поражения. Подобный опыт вызывает чувство собственного бессилия. Описываемый подтип оценивает окружающих по их социальному статусу и внешнему виду, предъявляя завышенные требования, как к себе, так и другим.

1.3. Высомерно-мстительный подтип, вобрал в себя все качества вышеописанных подтипов и возвел их в квадрат. За своим чувством безупречности описываемый подтип скрывает ненависть к себе, приобретенную в младенчестве, в результате пренебрежительного и унижающего отношения со стороны «значимых взрослых». Для смягчения действия собственных травм, ненависть вымещается на

окружающих. Создавшееся напряжение толкает их на достижение карьерных вершин, что бы ощутить превосходство над другими. Достигая определенные профессиональные вершины они начинают проявлять крайне враждебное отношением к другим людям, которое выражается в презрении, высокомерии и мстительности. Тем самым бессознательно продолжая взаимодействие со значимым взрослым и доказывая ему свою значимость. Эти символические отношения заключаются, в том, что для высокомерно-мстительного подтипа детские унижения являются психическим топливом для достижения целей. Высокомерно-мстительный подтип склонен эмоционально эксплуатировать окружающие объекты, так же как и нарциссический подтип ощущает себя достойным особых привилегий. Описываемый подтип вытесняет в себе потребности в близости и привязанности, считая их составными частями слабости и зависимости. Нам видится, что именно захватническая стратегия формирует контрзависимую личность – сильную и успешную, избирающую тактику отказа от всего, что кажется им заботой, лаской, близкими отношениями, так как опыт столкновения с подобными чувствами был очень травматичен. Далее у него формируется позиция сильного неприступного, самодостаточного, чрезмерно увлеченного приобретением материальных ресурсов и профессиональными достижениями. В истоках формирования контрзависимой личности лежит избегающий тип привязанности. [3].

2. Второй тип базируется на движении «к людям» и называется у К.Хорни смиренным типом. Он являет собой полную противоположность захватническому типу, испытывая значительные трудности в установлении психологических границ. Исследуемый тип вытесняет из сознательной части проявления гордости и самолюбования. Анализируя собственные успехи склонен, к обесцениванию собственных усилий и придавая избыточное значение внешним обстоятельствам. Проявляет покорность перед агрессией захватнического подтипа, занимает роль жертвы. При этом испытывая удовлетворение от собственной добродетели и собственной выдержкой перед унижительным отношением к себе. Если захватнический подтип не нуждается в близких отношениях, а нуждается в восхищении, то исследуемый тип проявляет излишнюю зависимость от отношений, нуждаясь в них. Склонен создавать созависимые отношения, в которых поглощен чужими переживаниями. Потребности смиренного типа вращаются вокруг любви, и он искренне надеется на то, что если будет достаточно добрым и благородным по отношению к другим людям, он будет вправе требовать любви, внимания и снисходительности по отношению к себе. Нам видится, что в основе подобного устройства психики лежит тревожный стиль привязанности, который формируется когда значимый взрослый вел себя не предсказуемо, и его логика была недоступна. В подобных случаях неокортекс отказывается анализировать ситуацию, а лимбическая часть мозга содержащая в себе инстинкт самосохранения и инстинкт размножения, включает программу «любить» для самосохранения. Он чувствует себя одиноко без людей, переживает много разных эмоций и склонен к зависимостям. [3].

3. Третий тип базируется на направленности «от людей» и называется у Хорни отчуждённым или отстранённым типом. Такой тип личности характеризуется тенденцией к подавлению любых потребностей, желаний и амбиций.

Заключение

Тем не менее, остается мало исследований о взаимосвязи между привязанностью и защитой. Несколько проведенных исследований указывают на связь между стилями привязанности и специфическими защитными механизмами. Например, более адаптивная защита является одним из хорошо проверенных показателей устойчивости, который, как оказалось, связан с надежной привязанностью. Кроме того, неадаптивная защита была связана с небезопасной привязанностью. Было также обнаружено, что защитные механизмы играют частично посредническую роль между неуверенной привязанностью и алекситимией в группе подростков. Тем не менее, эмпирические данные о связи между стилями привязанности и развитием защитных механизмов отсутствуют. Кроме того, ни в одном исследовании не изучалась связь между защитой и рабочими моделями "я" и других, несмотря на центральную роль "я" и других рабочих моделей в привязанности.

Здесь мы описываем первую попытку устранить эти пробелы в знаниях, исследуя взаимосвязь между стилями привязанности и 21 защитным механизмом, измеренным REM-71 в неклинической группе

из 1487 подростков. Мы предположили, что стиль привязанности влияет на развитие защитных механизмов. Учитывая гипотезу Гриффина и Бартоломью о том, что самость и другие рабочие модели являются фундаментальными измерениями привязанности, мы предположили, что самость и другие модели специфически влияют на развитие защитных механизмов. Таким образом, мы ожидали, что стили привязанности с положительными внутренними рабочими моделями себя/других (безопасность) будут связаны с адаптивными защитными механизмами (аккомодация), в то время как стили привязанности, характеризующиеся отрицательными внутренними рабочими моделями себя/других, будут связаны с дезадаптивными защитными механизмами (ассимиляция). В дополнение к этому мы стремились расширить наше понимание этой ассоциации и опираться на предыдущие исследования, чтобы более точно изучить взаимосвязь между стилем привязанности и проблемным поведением (Erkan et al., 2015). В частности, мы предположили, что привязанность предсказывает проблемное поведение и что эта связь опосредована защитными механизмами.

Если психологические границы, по какой либо причине становятся проницаемыми, возникает угроза безопасности и отчуждение нарастает. До того, как обособленная личность однозначно выбрала уединение в качестве своего образа жизни, [4]. она часто попадала в ситуации агрессии и безжалостного сопротивления, что формирует дезорганизованный стиль привязанности.

Список литературы

1. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс, 1993. С. 220
2. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс, 1993. С. 146-149
3. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. 2-е изд. М.: 2006. 240 с
4. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 480 с
5. Horney, K. *Neurosis and Human Growth*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.
6. Bowlby, J. *Attachment and Loss: Volume 1. Attachment*, 2nd ed. (1st ed., 1969). New York: Basic Books, 1982 (London: Hogarth) (also Penguin ed., 1971).
7. Bowlby, J. *Attachment and Loss: Volume 2. Separation: Anxiety and Anger*. New York: Basic Books, 1973 (London: Hogarth) (also Penguin ed., 1975).
8. Baldwin, J. Child abuse: epidemiology and prevention. In *Epidemiological Approaches in Child Psychiatry*. London: Academic Press, 1977, pp. 55–106.
9. Manning, M., Heron, J., and Marshall, T. Styles of hostility and social interactions at nursery, at school and at home: an extended study of children. In L.
10. Hersov and M. Berger (Eds.), *Aggression and Antisocial Behaviour in Childhood and Adolescence*. Oxford & New York: Pergamon Press, 1978, pp. 29–58.
11. Harrison, M. Home-start: a voluntary home-visiting scheme for young families. *Child Abuse and Neglect*, 5: 441–447, 1981.
12. Adams, G. C., & McWilliams, L. A. (2015). Relationships between adult attachment style ratings and sleep disturbances in a nationally representative sample. *Journal of Psychosomatic Research*, 79(1), 37–42. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2014.12.017>.
13. Besharat, M. A., & Khajavi, Z. (2013). The relationship between attachment styles and alexithymia: Mediating role of defense mechanisms. *Asian Journal of Psychiatry*, 6(6), 571–576. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2013.09.003>.
14. Esposito, M., Parisi, L., Gallai, B., Marotta, R., Di Dona, A., Lavano, S. M., et al. (2013). Attachment styles in children affected by migraine without aura. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 9, 1513–1519. <https://doi.org/10.2147/NDT.S52716>.
15. Jewell, T., Collyer, H., Gardner, T., Tchanturia, K., Simic, M., Fonagy, P., & Eisler, I. (2016). Attachment and mentalization and their association with child and adolescent eating pathology: A systematic review. *International Journal of Eating Disorders*, 49(4), 354–373. <https://doi.org/10.1002/eat.22473>.
16. Malone, J. C., Cohen, S., Liu, S. R., Vaillant, G. E., & Waldinger, R. J. (2013). Adaptive midlife defense mechanisms and late-life health. *Personality and Individual Differences*, 55(2), 85–89. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.01.025>.

17. Roque, L., Verissimo, M., Fernandes, M., & Rebelo, A. (2013). Emotion regulation and attachment: Relationships with children's secure base, during different situational and social contexts in naturalistic settings. *Infant Behavior & Development*, 36(3), 298–306. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2013.03.003>.

Correlation of neurotic conflict strategies (K. Horney), with attachment styles (Bowlby)

Alsu A. Zuikova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Nizhny Novgorod, Russia

asyyat@mail.ru

 0000-0002-4046-4083

Received 15.02.2021

Accepted 6.04.2021

Published 11.05.2021

 10.25726/k2823-7521-6905-u

Abstract

The whole complexity of the neurotic conflict lies in the fact that it does not lie on the surface, and is an unconscious part of the psyche. The conflicting tendencies that operate in it represent deeply repressed drives. Neurotic conflict has its origins in early childhood, when the child begins to look for ways to live safely. Basic anxiety is formed, which determines the feeling of helplessness in the face of potentially extreme situations for the psyche. The child unconsciously begins to form adaptive strategies and neurotic tendencies. Children's experience is a sensitive ground for the formation of a stable pattern of behavior in a child. The psyche translates the non-processed traumatic situation into the unconscious, activating neurotic psychological defenses that level out the traumatic experience. Based on the fact that neurosis is understood as the result of a conflict between the unconscious and consciousness, the main task of psychotherapy within the framework of psychoanalysis is to make the unconscious conscious, to become aware of the unconscious. Freud compares the situation of the need for awareness of one's own unconscious and the process of psychoanalysis itself with such a situation: a negligent student during a lecture in every possible way interferes with the teacher, grimaces, throws inappropriate remarks, distracts everyone from the case. The teacher throws the student out of the door, but he constantly looks into the audience, attracts attention to himself in all possible ways and interferes with productive work. In the same way, we push our unconscious "out the door", and it continues to remind us of itself in every possible way, to disturb and interfere with normal activities.

Keywords

Correlation, psychoanalysis, anxiety, personality, conflicts.

References

1. Horni K. *Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni*. M.: Progress, 1993. S. 220
2. Horni K. *Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni*. M.: Progress, 1993. S. 146-149
3. Boulbi Dzh. *Sozdanie i razrushenie jemocional'nyh svjazej*. 2-e izd. M.: 2006. 240 s
4. Boulbi Dzh. *Privjazannost'*. M.: Gardariki, 2003. 480 s
5. Horney, K. *Neurosis and Human Growth*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951.

6. Bowlby, J. Attachment and Loss: Volume 1. Attachment, 2nd ed. (1st ed., 1969). New York: Basic Books, 1982 (London: Hogarth) (also Penguin ed., 1971).
7. Bowlby, J. Attachment and Loss: Volume 2. Separation: Anxiety and Anger. New York: Basic Books, 1973 (London: Hogarth) (also Penguin ed., 1975).
8. Baldwin, J. Child abuse: epidemiology and prevention. In *Epidemiological Approaches in Child Psychiatry*. London: Academic Press, 1977, pp. 55–106.
9. Manning, M., Heron, J., and Marshall, T. Styles of hostility and social interactions at nursery, at school and at home: an extended study of children. In L.
10. Hersov and M. Berger (Eds.), *Aggression and Antisocial Behaviour in Childhood and Adolescence*. Oxford & New York: Pergamon Press, 1978, pp. 29–58.
11. Harrison, M. Home-start: a voluntary home-visiting scheme for young families. *Child Abuse and Neglect*, 5: 441–447, 1981.
12. Adams, G. C., & McWilliams, L. A. (2015). Relationships between adult attachment style ratings and sleep disturbances in a nationally representative sample. *Journal of Psychosomatic Research*, 79(1), 37–42. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2014.12.017>.
13. Besharat, M. A., & Khajavi, Z. (2013). The relationship between attachment styles and alexithymia: Mediating role of defense mechanisms. *Asian Journal of Psychiatry*, 6(6), 571–576. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2013.09.003>.
14. Esposito, M., Parisi, L., Gallai, B., Marotta, R., Di Dona, A., Lavano, S. M., et al. (2013). Attachment styles in children affected by migraine without aura. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 9, 1513–1519. <https://doi.org/10.2147/NDT.S52716>.
15. Jewell, T., Collyer, H., Gardner, T., Tchanturia, K., Simic, M., Fonagy, P., & Eisler, I. (2016). Attachment and mentalization and their association with child and adolescent eating pathology: A systematic review. *International Journal of Eating Disorders*, 49(4), 354–373. <https://doi.org/10.1002/eat.22473>.
16. Malone, J. C., Cohen, S., Liu, S. R., Vaillant, G. E., & Waldinger, R. J. (2013). Adaptive midlife defense mechanisms and late-life health. *Personality and Individual Differences*, 55(2), 85–89. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.01.025>.
17. Roque, L., Verissimo, M., Fernandes, M., & Rebelo, A. (2013). Emotion regulation and attachment: Relationships with children's secure base, during different situational and social contexts in naturalistic settings. *Infant Behavior & Development*, 36(3), 298–306. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2013.03.003>.